

Константин ФРУМКИН

ЛАБИРИНТЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Социальная ответственность весьма близка по своему смыслу к социальной обязанности, но отличается особой видовой чертой — она интенциональна, поскольку она связывает человека как субъекта ответственности с неким объектом ответственности — за который он отвечает. Ответственность направляет внимание человека на этот объект, делает его повседневно присутствующим в твоём горизонте — как сказали бы некоторые философы, она «открывает бытие» человека этому объекту.

Ответственность расширяет границы человеческой личности, расширяет «присутствие» человека в пространстве и во времени. Ответственность заставляет человека, во-первых, осознавать, во-вторых, познавать и, в-третьих, на практике принимать во внимание при планировании своих действий внешние объекты — предметы ответственности, а кроме того, осознавать, познавать и принимать во внимание на практике будущее — последствия своих действий для предмета ответственности. Разумеется, освоение внешнего пространства и внешнего времени — нормальное занятие человека как разумного существа, но ответственность чрезвычайно обостряет эту внешнюю проективность, причем в двух отношениях. Во-первых, она концентрирует нашу направленную вовне деятельность на немногих определенных предметах, за которые мы отвечаем. Во-вторых, ответственность усиливает нашу проективность за счет социальных санкций: ты не просто осваиваешь пространство и время, ты обязан его осваивать и будешь наказан, если не освоишь. Ответственность есть концентрация, усиление и психологическая интенсификация проективности. Если на вас возложена ответственность, то вас постоянно заботит внешний предмет, за который вы отвечаете, и будущее — что будет с этим предметом потом.

И вследствие этого ответственность оказывается чрезвычайно тесно связана со сферой знания и познания, можно даже сказать, что ответственность является важнейшим социальным и психологическим механизмом, благодаря которому знания становятся моральным, правовым и политическим фактором.

Ответственность и познание

Важнейшее значение ответственности заключается в том числе и в том, что она стимулирует познавательную активность, и даже больше — мобилизует познавательные ресурсы человека. Ведь нести ответственность невозможно, не зная закономерностей существования предмета ответственности и не зная технических возможностей влияния на этот предмет своими поступками.

Константин Григорьевич Фрумкин — российский журналист, философ, культуролог. Автор книг и статей философской и культурологической тематики, в том числе на темы философии сознания, теории фантастики, теории и истории драмы, а также социальной футурологии. Один из инициаторов создания и координатор Ассоциации футурологов.

Одновременно стимулируется еще и моральное познание. Поскольку мы несем ответственность за то, чтобы влиять на внешние предметы в соответствии с некими выбранными ценностями, мы должны производить аксиологическую оценку наших влияний на предмет ответственности, и то, как возможные изменения, которые будут внесены в предмет, соотносятся с нашими благими целями — к добру или к худу мы влияем. Если родители отвечают за ребенка, они должны пытаться понять, как лучше и эффективнее на него повлиять и, с другой стороны, какие именно влияния будут благими, а какими вредными. Представляется очень характерным, что российский философ Виктор Канке, который (вслед за Гансом Йонасом) считает принцип ответственности важнейшим постулатом современной этики, в качестве базового определения расшифровывает принцип «будь ответственным» как «поступай максимально эффективно на основе всех присущих тебе ценностей»¹. То есть эффективность, максимизация эффективности и соответствующая этой задаче добыча технических знаний становится частью этического долга.

Познание, которое стимулирует ответственность, особого рода — оно не только научное. Еще ответственность стимулирует социальное и этико-правовое познание: поскольку ответственность часто проявляется в форме наказания за нарушение норм, она стимулирует изучение этих норм, поскольку незнание законов не освобождает от ответственности, законы требуется знать. Более того, именно ответственность в форме наказания делает видимыми существование этих норм и обязанностей, и прежде всего ставит вопрос о том, что существует предмет изучения — в то время как до наступления ответственности эти нормы и обязанности находились в слепой зоне, не замечались, казались чем-то само собой разумеющимся. Но именно поэтому наказание — в особенности публичное наказание — часто можно рассматривать как момент в социальном познании, как учебное пособие, благодаря которому все могут узнать, за что бывают наказания. Солдата вермахта, по крайней мере, нельзя упрекать в том, что он еще не знал о возможности Нюрнбергского трибунала. Однако, как верно отметил Паскаль Брюкнер, уже после Нюрнбергского процесса иначе взглянули на преступления, которые случились до него — от геноцида армян до различных инцидентов колониализма².

В познавательном плане ответственность ставит задачи более сложные, чем чисто научные, поскольку оно должно включать в качестве объекта изучения и самого познающего. Поскольку задача в данном случае — понять, как человек может повлиять на предмет ответственности, то объектом познания оказывается и картина, в которую включен и сам познающий человек, включая его мотивы и действия. Таким образом, ответственность стимулирует не только познание, но и самопознание и сталкивается со всеми препятствиями, которые встают, когда познающий пристрастен, когда приходится познавать самого себя. Любопытно, что когда философ Иван Ильин рассуждает о всеобщей, мировой вине, он приходит к теме познания и осведомленности, отмечая, что не существует виноватых и невинных, а есть лишь те кто *знает* (курсив мой. — К. Ф.) о своей вине, и те, кто по своей *«слепоте»* (то есть неосведомленности. — К. Ф.) о ней не знает. Но в отношении тех, кто знает о своей виновности, по словам Ильина, можно сказать, что «их самосознание служит миру»³.

Самое обычное препятствие, о котором неизменно говорят философы-моралисты, включая Ильина, это стремление человека оправдать себя, снять с себя ответственность, переложить ответственность на других — и это, как правило, делается путем

¹ Канке В. А. Этика ответственности. Теория морали будущего. — М.: Логос, 2003. С.272.

² Брюкнер П. Тирания покаяния. Эссе о западном мазохизме. — СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2009. С. 135.

³ Ильин И. А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 3. — М.: Русская книга, 1996. С. 247.

отрицания возможности эффективных действий провозглашения бессилия, декларации невозможности влиять на предмет ответственности. Именно эти проблемы становятся особенно актуальны, когда в последние десятилетия встает вопрос о гражданской ответственности — например, рядовых немцев за фашизм и вообще рядовых граждан в условиях диктатуры. Более того — по меткому замечанию Паскаля Брюкнера, признание вины может быть в некоторых случаях формой ухода от ответственности — когда, как это делают европейцы при обсуждении колониализма, успокаивая свою совесть признанием вины, виновный изображает подавленность на словах, но фактически «ломает комедию», которая избавляет от необходимости отчитываться перед кем-либо⁴.

При этом, пристрастность при исследовании вопроса о своей ответственности, разумеется, может быть не только индивидуальной, но и коллективной. Самый простой случай этого — попытка уйти от коллективной ответственности, доказать невинность «своих», своего сообщества, своего государства и переложить вину на чужих.

Но есть и более сложные случаи. Дело в том, что осознанное нахождение в коллективе делает актуальным именно те причинно-следственные связи, которые воплощаются в осознанных взаимодействиях между членами коллектива. Именно взаимные влияния участников сообщества оказываются ими проговоренными и наиболее изученными. Таким образом, социальная идентичность оказывается родом оптики, делающим одни причинно-следственные связи более заметными и приковывающими внимание, чем другие. Это может иметь как подкрепляющее, так и искажающее влияние на когнитивную деятельность.

Ответственность ставит вопросы когнитивного и эпистимологического характера даже для людей, далеких от образования, науки и других интеллектуальных институций. Но именно поэтому она же с особой остротой ставит вопрос, неважный в случаях, когда целью познания является само познание (как в фундаментальной науке). Это вопрос о нормальных пределах человеческого познания.

Человек должен отвечать за последствия своих поступков. Но эти последствия сами являются причинами для последствий следующего уровня, и, таким образом, человеческий поступок оказывает не ограниченное во времени и ветвящееся влияние на дальнейший ход мировых событий. И поэтому философ Ганс Йонас, объявивший ответственность базовым принципом современной этики, прежде всего указал, что важнейшим подспорьем этики становится предсказание последствий: «первая обязанность этики будущего — формирование представлений об отдаленных последствиях»⁵. При этом именно предсказания будущего, по мысли Ганса Йонаса, должны стать связующим звеном между практическим знанием и этикой⁶. Этот же императив знать последствия был зафиксирован американским философом Питером Френчем в понятии «расширенный принцип вменяемости», предполагающим, что человек несет ответственность не только за преднамеренные действия, но и за «некоторые непредусмотренные эффекты», о возможности которых люди «должны были бы или могли бы знать»⁷.

Однако отслеживать последствия своих поступков — очень сложная задача. Нужна чудовищная или божественная проницательность, чтобы увидеть эти последствия достаточно далеко. Следовательно, человек должен высчитывать последствия своих

⁴ Брюкнер П. Тирания покаяния. С.117–118.

⁵ Йонас Г. Принцип ответственности: опыт этики для технологической цивилизации. — М.: Айрис-Пресс, 2004. С. 81.

⁶ Там же. С. 80.

⁷ French P. Collective and Corporate Responsibility. — N. Y.: Columbia University Press, 1984. P. 132.

поступков — но до неких пределов. Разумеется, вопрос, что человек может знать, — вопрос, в свое время торжественно поставленный Кантом, сам нуждается в изучении.

Спекулятивная и репрессивная динамика ответственности

Частным — но чрезвычайно ярким и очень значимым для культуры и для политики — случаем проблемы пронизательности является проблема определения круга ответственных. Ответственным прежде всего должен считаться человек, чьи поступки повлияли на предмет ответственности — будь это событие автокатастрофы или судьба страны. Таким образом, для определения круга ответственных нужно отследить причинно-следственные связи, соединяющие людей с интересующими событиями. Но чем большую пронизательность мы будем проявлять при отслеживании, тем больше причинно-следственных связей мы найдем, тем больше тайных и скрытых связей выйдут на свет, тем дальше протянутся эти связи и, следовательно, тем большее число людей мы запишем в число фактически ответственных. Карл Ясперс, рассуждая о виновности Германии, после правовой, политической и моральной ответственности называет еще и метафизическую ответственность, которую несет человек за любое событие — особенно за то, что происходило в его присутствии и с его ведома⁸. При достаточном упорстве отслеживания связей мы начнем расширять круг ответственных все шире и шире — этот эффект можно было бы назвать «респонденциальной индукцией»⁹. И это не умозрительный эксперимент, а обобщение большого числа моральных, политических и других дискуссий, гремевших в истории человечества, — достаточно вспомнить Достоевского, в своей публицистике рассуждавшего о том, что на суде виновным в преступлении является не только подсудимый, но и судьи и публика.

С точки зрения научных представлений о причинности в число виновных и ответственных могут попасть все, кто находятся в пределе «Конуса Минковского», то есть те, кто находился от интересующего события недостаточно далеко в пространстве и времени, чтобы от него мог дойти сигнал со скоростью света — теоретически даже жители давно погибших инопланетных цивилизаций. Это приводит к появлению мысли о тотальной виновности и тотальной ответственности всех за все, которую и констатируют некоторые философы. Так Иван Ильин, пишет, что «все люди без исключения, пока они живут на земле, участвуют во всеобщей мировой вине»¹⁰. Жан Люк Нанси также отмечает, что «существует безграничная ответственность», так как «имеется неограниченная взаимозависимость людей и вещей»¹¹. Аслан Гаджикурбанов, метафизически заостряя вопрос до предела, вообще пишет о «презумпции вины» всякой индивидуальности просто в силу того, что она существует — поскольку ее существование возможно только ценой разделения, «грехопадения» целостности¹².

Разумеется, идея тотальной вины есть лишь спекулятивный, теоретический предел, но предел вполне реального процесса — процесса расширения и сферы ответственности и круга ответственных по мере расширения познания причинных связей.

⁸ Ясперс К. Вопрос о виновности // Знамя, 1994, № 1. С. 148.

⁹ Различные явления, связанные с ответственностью, можно было бы обозначать термином «респонденциальный», поскольку в большинстве европейских языков слово «ответственность» образовано от латинского глагола *respondere* — отвечать.

¹⁰ Ильин И. А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 3. С. 246.

¹¹ Нанси Ж.-Л. В ответе за существование // Интенциональность и текстуальность. — Томск: Водолей, 1998. С. 314.

¹² Гаджикурбанов А. Г. Вина метафизическая и вина моральная // Философия и этика: сборник научных трудов. К 70-летию академика А. А. Гусейнова. — М.: Альфа Москва, 2009. С. 150–151.

Имеет ли такой спекулятивный подход какое-либо практическое значение? В редких случаях, видимо, да: например, Марион Янг указывает, что в ситуациях, когда вина определяется как всеобщая, речь начинает идти не о поиске виновных, а об осознании всеми участниками своего вклада в создании ситуации и поиске совместного решения для исправления ответственности¹³. Это — ответственность без выделения ответственных. Понимание всеобщей вины может стать фундаментом для взаимного прощения.

Однако чаще идея тотальной виновности не может применяться на практике, которая ставит вопрос о «нормальном» и приемлемом уровне осведомленности, нормальном уровне проницательности и т. д. — при соответствующем сужении числа ответственных

Расширение и сужение ответственности как по предмету, так и по числу ответственных можно было бы назвать «динамикой ответственности» или «респонденциальной динамикой», и в ней в истории культуры мы видим два противоположных вектора.

С одной стороны, есть спекулятивная динамика — которая направлена на расширение ответственности, поскольку идет вслед за прогрессирующим познанием причин и следствий, и примером этого является обвинение среды в преступлении индивида.

И есть «репрессивная» динамика, связанная с прикладными социальными задачами назначения ответственных и привлечения к ответственности, которая, наоборот, предполагает сужение круга ответственных. В огромном множестве потенциальных ответственных, найденных спекулятивным мышлением, репрессивный дискурс очерчивает центральную часть — ядро «наиболее виновных» и «непосредственно ответственных», с которыми и приходится иметь дело в социальных практиках. «Наиболее виновные» заменяют просто «виновных» — последние становятся предметом абстрактного знания, в то время как первые действительно несут ответственность.

Однако представления о «норме» и степени детализации могут быть различными, и поэтому совокупности лиц, подлежащих ответственности разного типа, оказываются различными по составу, и часто включены друг в друга наподобие концентрических кругов.

Если взять четыре главных типа ответственности, выделенных Карлом Ясперсом — ответственность политическая, правовая, моральная и метафизическая, — то можно с уверенностью сказать, что по числу охваченных «виновных» моральная ответственность, как правило, всегда шире правовой. По словам Ханса Ленка, «моральная ответственность не ограничена сферой специфических ролей или определенными областями деятельности»¹⁴. Моральная ответственность может идти по линиям причинно-следственных связей, объединяющих значимое событие с людьми-актерами так далеко, как не может в силу технических и организационных ограничений идти юридическая ответственность. Ну а метафизическая ответственность, как сказано выше, потенциально беспредельна.

На первый взгляд может показаться, что «репрессивный дискурс» вовсе не является сужающей динамикой, а это просто идентификация ответственных с точки зрения традиций и «здорового смысла». Часто это действительно так, однако все же нельзя отрицать, что любое «назначение ответственного» происходит на фоне и после огромных совершенных человечеством усилий по познанию причинных связей, чьи результаты зафиксированы в культуре и свидетельствуют, что число причастных к событию, как правило, в реальности всегда превосходит число тех, с кем имеют дело в политике, праве и повседневной морали. Поэтому репрессивный дискурс — всегда

¹³ Young M. R. Responsibility and Global Labor Justice// The Journal of Political Philosophy: Volume 12, Number 4, 2004, p. 380.

¹⁴ Ленк Х. Размышления о современной технике. — М.: Аспект Пресс, 1996, С. 156.

отбор, всегда выведение из числа «фигурантов дела» большого числа тех, кто из чисто умозрительных соображений мог бы быть к нему привлечен. Самым ярким примером этого может быть Нюрнбергский трибунал, который обрушил свой карающий меч только на высших руководителей Третьего рейха, несмотря на то, что рядом существовали представления о виновности всех немцев, всех членов НСДАП, всех солдат вермахта и т. д., тем более что, по выражению Ханны Арендт, в Третьем рейхе была «эффективно стерта черта, отделяющая преступников от нормальных людей»¹⁵. К тому же пример нацизма показывает, что хотя в условиях коллективной деятельности, доля ответственности каждого индивида падает, но зато совокупный результат деятельности может достигать чудовищных масштабов. Поэтому уменьшение относительной величины ответственности может компенсироваться ростом абсолютной.

Ущербность репрессивного дискурса заключается не только в том, что он игнорирует уже известные причинные связи, но еще и в том, что узкий круг виновных и ответственных определяется зачастую вовсе не тем, что обнаружены самые главные причинные связи, но тем, что по каким-то побочным соображениям примерно зафиксировано максимальное число ответственных, с которыми общество может или хотело бы иметь дело. Так, в административных практиках часто назначают одного ответственного руководителя — потому что иерархической структуре удобнее иметь дело именно с одним лицом, тем самым возлагая на него ответственность, превышающую человеческие возможности. Важным оказывается не влияние поступка на предмет, а способность системы привлекать к ответственности и контролировать — таким образом, многие лица «выкидываются» из числа ответственных не потому, что их поступки недостаточно сильно или недостаточно явно влияют на предмет, но потому, что количество этих лиц просто не укладывается в установленную системой «квоту».

Знающий уязвим

Тем не менее возложение и принятие ответственности чрезвычайно зависит от знаний о причинных связях, имеющихся у тех, кто возлагает ответственность, и тех, на кого ее возлагают. Даже в уголовном праве человек может быть освобожден от ответственности, если не знал о последствиях своих действий. Общество вынуждено вырабатывать представление о нормальном и приемлемом уровне осведомленности, который становится разновидностью социальной обязанности. Ответственность стимулирует познание, поскольку если ты ответственный, ты обязан обладать определенными знаниями — хотя бы на уровне «нормальной и приемлемой осведомленности».

При этом очень важно, что знание может обернуться против человека — поскольку приращение осведомленности и проницательности влечет за собой и соответствующее приращение ответственности. Во многом знании не только много печали, но много ответственности и даже много вины. Ты можешь нести ответственность за последствия своих поступков в той степени, в какой ты видишь и знаешь, во-первых, куда простираются эти последствия и, во-вторых, как именно ты можешь повлиять на них своими действиями.

Всякое новое знание в этой сфере немедленно оборачивается новой обязанностью — обязанностью распространить сферу своей ответственности (правовой, политической или моральной) на новый участок освоенной и понятой реальности.

Разумеется, не все знания имеют такую моральную силу, однако имеются особого рода «респондентально значимые знания», которые перераспределяют существующие в мире границы персональной ответственности, можно сказать, изменяют «респон-

¹⁵ Арендт Х. Скрытая традиция. Эссе. — М.: Текст, 2008. С. 45.

денциальный ландшафт». Сообщить человеку такое знание — значит инспирировать событие, выходящее далеко за пределы чисто интеллектуальной сферы. Получение знания — социально значимые события, могущие иметь моральные, политические и правовые аспекты, поскольку с сознающего больше — больше и спрашивают.

Примером этого может служить некогда нашумевший судебный процесс, в котором доказывалось, что табачные компании не просто приносят вред здоровью — но обладали информацией о приносимом табаком вреде, которую замалчивали.

Знающий морально и юридически уязвим. Поэтому в знаниях можно уличать, осведомленность становится предметом расследований и разоблачений. При этом расширение осведомленности человека носит необратимый характер, тот, кто узнал нечто важное, обязан дальше поступать как знающий, общество редко признает право на забвение респондентально значимых сведений. Справедливость, понимаемая как точность в распределении воздаяния, предполагает «метазнание» — то есть знание о том, кто что знает или может знать — то есть знание чужих реальных и потенциальных знаний.

Дело просто в том, что ответственность, будучи прежде всего стимулом для поведения, должна стимулировать и добычу новой информации, требуя, чтобы человек узнал то, что он мог узнать. Поэтому если он один раз слышал — разумеется, он это мог узнать и несет ответственность, как будто действительно знает.

Именно потому, когда моральный мыслитель, будь то Достоевский или Ясперс, хочет возложить вину на публику, казалось бы непричастную к делу, ему достаточно раскрыть ей глаза и указать на имеющиеся связи между поступками непричастных людей и свершившимся злом — остальное делает общий принцип, в соответствии с которым узнавший о своем влиянии на события становится за них в некой степени ответственным. Раскрытие причинно-следственных связей — не только познавательный, но и моральный, иногда квазиправовой акт, в некоторых случаях являющийся обвинением.

Смысл избыточной ответственности

В соотношении познания и ответственности присутствует странный парадокс: ответственность всегда отстает от познания, но познание отстает от ответственности. Познание избыточно, когда мы ищем ответственных, но недостаточно, когда мы стараемся обеспечить знаниями деятельность ответственного лица. Отставание ответственности от познания — это именно то, что различает репрессивную динамику от спекулятивной: назначать ответственных мы можем всегда в меньшем количестве, чем видим реально причастных к делу, мы всегда можем познать сеть причинно-следственных связей, которая охватывает куда большее число людей, чем мы могли бы привлечь к ответственности. В данном случае познание выступает как явно избыточное.

Но с другой стороны, оно всегда недостаточно. Когда на человека возлагают ответственность за какое-то достаточно сложное дело, редко у него бывает действительно достаточно знаний, чтобы полностью обеспечить успех.

Директор атомной электростанции отвечает за безопасность реакторов — но вряд ли знает, как гарантировать их безопасность на 100 процентов.

Родители отвечают за детей, но у них вряд ли бывает достаточно знаний, чтобы точно обеспечить им здоровье и преуспевание.

И если — как это видно в случае с директором электростанции — возложение ответственности является избыточным, то очень часто и столь же избыточным является принятие на себя ответственности — как это ясно становится, когда мы читаем название книги Юрия Германа «Я отвечаю за все». В конечном итоге в мире доста-

точно обыденным явлением является то, что немецкий философ Арнольд Гелен называл «гиперморалью» — то есть ситуация, когда индивид берет на себя ответственность за непредсказуемые последствия коллективных действий¹⁶.

Когда ответственность — как в случае с родителями — сконцентрировалась на узком круге лиц, она всегда избыточна, она превосходит человеческие силы и знания. Но именно в феномене избыточной ответственности особенно рельефно проявляется функция стимулирования познания. Ответственность избыточна, поскольку нам не хватает знаний, чтобы нести ее, а значит, она побуждает нас добывать эти знания, узнавать, как именно мы могли бы влиять на предмет ответственности.

Когда человек несет ответственность, назначен ответственным, но не знает, как повлиять на происходящее — его роль сводится у тому, чтобы быть потенциальным козлом отпущения, ритуальной жертвой, которую приносят в жертву именно для того, чтобы объявить виноватой и тем самым снять вину с остального общества.

Ответственное лицо, в сущности, держат как заложника на случай непредвиденных катастроф. Тут мы можем увидеть следы древнейших религиозных практик — ведь, как известно, в древности, до того, как в моральных религиях человек стал ответственным перед богом, боги и духи были сами ответственными перед человеком за важные вопросы его жизни — например, за удачу на охоте или урожай. Человек за это их награждал, подкупал, а иногда наказывал. Наказание идола за неудачу человека базировалось на достаточно слепой, недетализированной, не проясненной в подробностях веры, что идол мог влиять на удачу — и такая же вера окружает ответственных лиц в сегодняшнем обществе, когда им приходится быть виноватыми в том, что свыше их сил.

В сущности, выражение «политическая ответственность» с акцентом на слово «политический» в сегодняшнем мире подчеркивает, что хотя человек должен быть наказан за неудачу, лишится своей должности и так далее — он часто фактически не мог разобраться в вопросах, за которые отвечал, и вряд ли технически виноват в произошедших неприятностях. В «политической ответственности», как она функционирует в современном мире, несомненно велик момент сходства с ситуацией козла отпущения — когда уходящий в отставку политик принимает на себя вину перед Богом и обществом и тем самым освобождает от вины тех, кто мог бы оказаться виноватым в результате «спекулятивной респонденциальной динамики». Именно поэтому немецкий философ Ханс Ленк заявляет: в условиях технических систем огромной мощи отставка директора электростанции или министра уже не имеет смысла — современная техника слишком могущественна, рассчитанные на индивидов правовые методы регулирования ответственности уже не работают¹⁷. По мнению Ленка, в высокотехнологическом обществе вопросы ответственности находятся в зависимости от «синергетических и коммулятивных эффектов», при этом «проблема распределения ответственности в подобных случаях осложняется тем, что побочные эффекты не могут быть возведены к какому-либо одному источнику; кроме того, они, как правило, не были или даже не могли быть предусмотрены или предсказаны»¹⁸.

«Козел отпущения» несет ответственность политическую, но не моральную, а если политическая отстает от моральной, то она избыточна. Однако избыточная ответственность стимулирует познание, а познание расширяет моральную ответственность: виноват тот, кто знал, но не делал. Стимулируя познание, избыточная ответвен-

¹⁶ Gehlen A. Moral und Hypermoral. Eine pluralistische Ethik, — Frankfurt a. M.: Athenäum Verlag. 1973. S. 151.

¹⁷ Ленк Х. Размышления о современной технике. С. 145–146.

¹⁸ Ленк Х. Проблемы ответственности в этике экономики и технологии // Вопросы философии, 1998, № 11. С. 35.

ность перестает быть избыточной, расширяя «нормальную» моральную ответственность и тем больше и надежнее освобождает окружающих от коллективной вины.

Таким образом, обнаруживается смысл и в избыточной ответственности, в том числе и такой ее разновидности, как коллективная ответственность. Избыточная ответственность стимулирует познание, но познание не только научное и техническое, когда требуется найти способ влияния, но и моральное, связанное с преодолением пристрастия, желанием уйти от ответственности, это прежде всего выяснение того, насколько добросовестно было установлено и провозглашено собственное бессилие.

Дело в том, что в значительном — если не большем — числе случаев невозможно с абсолютной точностью провести границу, что человек может знать и сделать и чего не может. Эта граница подвижна и зависит от усилий человека. Даже если предполагается, что требуемые от человека знания точно установлены, это, как правило, является фикцией, конвенциональной, правовой условностью, которая может отклоняться от реальности в ту или другую сторону. Как замечает Жан Люк Нанси, при правовом возложении ответственности понятия «разумный» и «преемлемый» выступают «весьма посредственными и слабыми ориентирами»¹⁹.

Избыточная ответственность начинается с призыва «сделайте что-нибудь». На первый взгляд этот призыв парадоксален и абсурден, он требует действия, не уточняя, какого именно, и напоминает сюжет русской сказки, в которой царь требует от стрельца «пойти туда, не знаю куда, принести то, не знаю что». Но в этом призыве содержится надежда, что под гнетом императива человек совершит познавательное и творческое усилие и найдет способ действия — в конце концов, и герой сказки смог отыскать «не знаю что». В сущности, границы между нормальной и избыточной ответственностью, между моралью и гиперморалью неопределенны и подвижны, поскольку зависят от прилагаемых человеком творческих и познавательных усилий. Лень, отказ прилагать усилия, нежелание думать, как повлиять на тяжелую ситуацию, «выученное бессилие» делают любую ответственность избыточной и «гиперморальной» — но творческое усилие может расширить возможности человека влиять на ситуацию, и если человек их познает, он принимает на себя ответственность, которая оказывается «нормальной». Ответственность запускает поиск, в ходе которого может произойти как открытие своих скрытых возможностей, так и — увы — открытие своего бессилия и даже иллюзорности имевшихся возможностей. Но выясняется все это лишь задним числом, а ответственность возлагается на будущее — поэтому в некотором смысле ответственность всегда начинается как избыточная.

Об универсальных правилах и чистом сердце

Требуется особое исследование, каким образом и общество, и отдельные индивиды приспособляются к избыточной ответственности, то есть к ситуации, когда у человека, с одной стороны, нет точных технических знаний о том, как повлиять на исход событий, но при этом есть социальная обязанность все-таки на них влиять.

Одно из важнейших решений заключается в выработке «вечных принципов» и «золотых правил» — правил моральных, технических, житейских, правовых, правил, неформально вводимых в различные техники и искусства, — правил, которые требуется соблюдать независимо от того, можете ли вы предвидеть последствия этого и как видится соотношение ваших действий с желаемым результатом.

Именно этот момент — приоритет правила над предвидимым результатом — подчеркивается в парафразе афоризма Марка Аврелия «делай что должно и будь что бу-

¹⁹ Нанси Ж.-Л. В ответе за существование. С. 307.

дет». Рационализируя этот принцип, можно предположить, что поскольку «золотые правила» концентрированно выражают человеческий опыт, то они ведут к желанному результату, по крайней мере, статистически — в большинстве случаев применения, на большой выборке использования правил — особенно если соблюдение (или несоблюдение) какого-либо принципа (например, запрета на пытки) де-факто может играть роль прецедента, которому суждено повторяться множество раз в будущем. Так или иначе, «правила» и «вечные принципы», которые иногда и вводятся преамбулой — «когда не знаешь, как поступить, — поступай так», — являются компенсацией дефицита знаний в условиях избыточной ответственности. Универсальные правила, применяемые во всех аналогичных случаях, — компенсация отсутствия проницательности.

Макс Вебер говорил, что существуют две главных альтернативных этических концепции — «этика ответственности» и «этика убеждения», если первая предполагает возможность расплачиваться за последствия поступка, то вторая — особенно в случае с религиозной этикой — предполагает только верность базовым принципам и ценностям: «Христианин поступает как должно, а в отношении результата уповает на Бога»²⁰. В наши дни испанский философ Рейес Мате говорит, что в интерпретации ответственности (в частности, исторической ответственности) существуют две традиции — «кантианская», отталкивающаяся от норм и их нарушения, и «гегельянская», строящаяся на изучении последствий человеческих поступков²¹. Однако с учетом сказанного стоит отметить, что «гегельянская» традиция — она же «этика ответственности» — упирается в ограниченность человеческого познания и невозможность отслеживать последствия во всей их полноте, именно поэтому «кантианская» традиция, она же этика убеждения, оказывается хорошим паллиативным решением. В сущности, «кантианский», то есть нормативный, подход тоже является способом работы с последствиями, но поскольку всех последствий всегда знать невозможно, он предлагает упрощенную технологию, не требующую их изучения в каждом конкретном случае.

Другой способ решения проблемы дефицита знаний заключается в доверии интуиции, которой в некоторых случаях приписываются большие возможности фактического предвидения, чем рациональному знанию. В сущности, это тоже один из «вечных принципов», который может быть сформулирован: «Если не знаешь, как поступить, — поступай, как велит тебе сердце». Ответственность это не отменяет, но ее фокус смещается, а в некоторых случаях ее предмет расширяется — например, можно услышать, что в православии человек может быть спрошен и за невольный грех, поскольку христианин несет ответственность «за состояние своего сердца»²².

Тема доверия интуиции связана с еще одной требующей решения проблемы, а именно — вычленение индивидуального вклада человека в ход событий. Мы вроде бы несем ответственность только за последствия своих собственных, а не чужих действий, однако результаты моих поступков сплетаются с результатами чужих, конечный исход дела зависит от соотношения множества лиц и обстоятельств, и поэтому эффективное, приводящее к каким-то результатам влияние действий одного отдельно взятого индивида часто можно безусловно проследить только на сравнительно коротких промежутках времени, а зачастую морально оценить можно лишь намерения, но не результаты действий. Ханс Ленк указывает, что поиск виновных в негативном воздействии на природу может быть затруднен, «если каждый индивидуальный вклад не превышает порога вредности», и, таким образом, вред возникает только от сложения

²⁰ Вебер М. Избранные произведения. — М: Прогресс, 1990. С. 697.

²¹ Mate M. R. Does Historical Responsibility Exist? — <http://www.essayandscience.com/article/18/does-historical-responsibility-exist>.

²² Пешков А. Христианское понимание греха // Труды Нижегородской духовной семинарии, 7, 2009. С. 318.

отдельных действий²³. Ленк прежде всего имеет в виду эффект технического воздействия на окружающую среду, но финансовый кризис 2007–2009 годов продемонстрировал, что аналогичные эффекты существуют и в экономике: анализ механизма кризиса показал, что он возник как результат от сложения решений различных участников рынка, каждое из которых хотя и было неэффективным, но не могло стать причиной кризиса, если бы не резонировало с другими неэффективными решениями. С другой стороны, Ясперс, анализируя проблему нацизма, говорит, что политические преступления растут на почве множества «моральных оплошностей» — его порождают «бесчисленные мелкие небрежности, приспособленчество, дешевые оправдания, несправедливости, незаметное потворство несправедливости»²⁴.

Именно с учетом этого религиозный принцип «доверяй сердцу», «поддерживай чистоту сердца» начинает получать прикладное этическое значение — он позволяет сохранить принцип ответственности даже в ситуации, когда мы вынуждены отказаться от оценки результатов человеческих действий, сохраняя, однако, ответственность за намерение. В свою очередь, ответственность за намерения актуализирует другую познавательную проблему — оценку реалистичности намерений. Примером трудности этой проблемы может служить попытка привлечь к суду тех, кто публично проклял премьер-министра Израиля Ицхака Рабина, впоследствии убитого, — проблемой оставалось то, можно ли считать ритуал проклятия («Пульса де-нура») реальным нанесением ущерба.

Сохранение принципа ответственности в этом случае важно потому, что для этики существенной проблемой является ответственность за действия по принуждению. Очевидно, что чем меньший промежуток пути, ведущего от намерения через поступок к результату, мы отслеживаем и оцениваем, тем меньше влияние внешнего принуждения (или иных непреодолимых обстоятельств). Возможность обладать благим намерением всегда остается во власти человека. В этой связи можно не согласиться с философом Гарри Франкфуртом, отрицавшим, что человек не подлежит ответственности, если в силу непреодолимых обстоятельств он не мог поступить иначе²⁵. Для доказательств своей мысли — что может быть ответственность даже при отсутствии выбора — Франкфурт изобретает несколько сложных мысленных экспериментов, в которых добровольное решение сочетается с наличием принуждения. Например, человек делает нечто по доброй воле, но если бы он этого не сделал, его бы принудили к тому же самому поступку. Таким образом, по мысли Франкфурта, фактически у человека не было выбора — совершать или не совершать поступок, но моральную ответственность за него он все равно несет. Однако Франкфурту можно было бы возражать, что, по сути, в его примере оцениваются два разных предмета — решение человека и фактический поступок. Если поступок — событие во внешнем мире и подвержен самым разным внешним влияниям, включая жесткое принуждение, то намерение и решение остаются в введении человека, намерение всегда может быть другим, и за него человек может нести моральную ответственность.

Вынужденный переход от оценки поступка к оценке намерения связан с тем, что ни самому человеку, ни тем, кто хотел бы возложить на него ответственность, далеко не всегда ясно, как именно отдельный индивид мог бы повлиять на очень мощные, масштабные системы. На практике эта проблема всегда встает, когда речь идет об ответственности гражданина за ситуацию в стране, за политическую систему и т. д. При этом нельзя отрицать теоретическую возможность влияния индивида на крупную

²³ Ленк Х. Проблемы ответственности в этике экономики и технологии. С. 36.

²⁴ Ясперс К. Вопрос о виновности. С. 149.

²⁵ Франкфурт Г. Альтернативные возможности и моральная ответственность // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. 2017. Т. 1, № 4. С. 129–140.

систему — поскольку существуют нелинейная динамика и теория синергетических эффектов, по крайней мере допускающие возможность инициации больших изменений с помощью малоэнергетического воздействия. То есть принятие (или возложение на кого-либо) гражданской ответственности лучше всего сочетается с гипотезой об «эффекте бабочки» — возможности точечного воздействия, порождающего большой эффект.

Исторический пример с убийцей эрцгерцога Фердинанда Гаврилой Принципом — пример, показывающий, что индивидуальное действие может спровоцировать огромную по масштабам войну, — в некотором смысле является позитивным «кейсом», поскольку допускает возможность эффективного точечного действия. «Проблему бабочки» также можно считать частным случаем проблемы дефицита знаний — если у индивида нет возможности воздействовать на систему, то это потому, что он не знает как, у него нет «соответствующего «ноу-хау»».

Однако не существует никаких понятных рецептов использования «эффекта бабочки» в социальных вопросах — а если бы они существовали, то множество машущих крыльев разных «бабочек» нейтрализовали бы друг друга. Над проблемой ответственности гражданина тяготеет парадокс: с одной стороны, не бывает столь предельной степени отчуждения, чтобы от отдельного человека в стране не зависело действительно совсем ничего, но с другой стороны, наши общества все же слишком масштабны и сложны, чтобы от отдельного человека зависело что-то определенное, и можно было усмотреть понятную связь между поступком и результатом.

В то же время само знание о том, что у наших поступков обязательно будут также и неизвестные последствия, является особого рода позитивным знанием, заставляющим иметь в виду темную сторону любого действия. Как говорит немецкий философ Готтхард Бехманн, «риски появления возможных ущербов уже сегодня должны предписываться любым принятым решениям, хотя невозможно определенно знать ни размера ущерба, ни того, будет ли он принесен вообще». По словам Бехманна, такое «незнание» становится составной частью принимаемых решений²⁶. На практике реакция на «зону незнания» обычно выражается в той или иной политике создания резервов на непредвиденные случаи — это могут быть, например, финансовые страховые резервы или резервные запасы прочности у технических сооружений.

²⁶ Бехманн Г. Жизнь в обществе риска //Философские науки, 2011, № 8. С. 42.